

УДК 82.0

РУССКИЙ МИР ПУШКИНА (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

© 2018 г.

*И.С. Юхнова¹, Е.А. Богатырев², С. Гардзонио³,
Н.Л. Вершинина⁴, В.И. Аннушкин⁵, В.Ф. Кушнеренко⁶, Дж. Лоуэнфельд⁷,
Е.А. Кричевская⁸, Н.А. Жиркова⁹, З. Мохаммади¹⁰*

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

² Государственный музей А.С. Пушкина, Москва

³ Пизанский университет, Италия

⁴ Псковский государственный университет, Псков

⁵ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

⁶ Мемориальный дом-музей А.С. Пушкина в Кишиневе

⁷ Поэт, США – Россия

⁸ Центр культуры и развития «Авангард», Греция

⁹ Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина «Болдино», Б. Болдино

¹⁰ Тегеранский университет, Иран

yuhnova@flf.unn.ru

Поступила в редакцию 12.01.2018

3 ноября 2017 года фонд «Русский мир» провел в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского круглый стол «Русский мир Пушкина». Предметом обсуждения стало значение А.С. Пушкина для русской и мировой культуры. Речь в выступлениях шла о пушкинском понимании русского национального характера, истоках мировоззрения Пушкина, эволюции темы «двух родин» в его творчестве. Ряд выступлений был посвящен восприятию произведений Пушкина представителями других национальных традиций, в связи с чем был поднят вопрос о переводах Пушкина на языки народов мира, о сохранении за границей мемориальных мест, связанных с поэтом.

Ключевые слова: Пушкин, русская ментальность, русский мир, русское общество, всемирное значение Пушкина, диалог культур.

Пушкин и нижегородская земля

И.С. Юхнова

Фонд «Русский мир» проводит круглый стол «Русский мир Пушкина» в Нижнем Новгороде не случайно. Причин этому несколько.

А.С. Пушкин был нижегородским помещиком – род Пушкиных связан с нижегородской землей с XVI века. Здесь находилось единственное имение, которым он владел, – деревня Кистенево. Здесь, в Болдино, в 1830 году он пережил невероятный взлет поэтического вдохновения, а потому еще дважды приезжал сюда в надежде пережить те же самые моменты творческого подъема. В Болдино был завершен «Евгений Онегин», написаны «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Медный всадник», «Пиковая дама», «Сказка о золотом петушке», множество стихотворений.

Пушкин был и в Нижнем Новгороде – правда, всего два дня, но они вместили в себя так много! Поэт посетил Нижегородскую ярмарку, на которую съезжались гости со всего

мира. Здесь звучала разноязыкая речь, вступали в диалог разные культуры и традиции.

Побывал Александр Сергеевич и в Нижегородском кремле, где стоял над гробницей Минина и размышлял о Смутном времени.

В Нижнем Новгороде произошел и курьезный случай, который лег в основу комедии Гоголя «Ревизор». Нижегородский губернатор М.П. Бутурлин, не веря, что Пушкин путешествует по личным делам, на всякий случай шлет письмо казанскому губернатору, делясь предположением, что Пушкин послан в губернии с особым заданием.

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского – крупный центр по изучению творчества А.С. Пушкина. В этом году уже в 45-й раз прошла Международная конференция «Болдинские чтения»; ежегодно выходит сборник материалов этой конференции; издается серия монографий участников «Болдинских чтений». Среди последних изданий – работы таких известных пушкинистов, как С.А. Фомичев, И.Л. Альми, Н.И. Михайлова, Г.Л. Гумённая и др. [1–8].

В нашем университете работали ученые, исследования которых вошли в «золотой фонд» отечественной пушкинистики: Г.В. Краснов и В.А. Грехнёв, – а сейчас преподают такие известные пушкинисты, как В.А. Кошелев и Н.М. Фортунатов.

Пушкинские музеи

Е.А. Богатырев

В настоящее время в России (Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург, Тверь, Оренбург, Михайловское, Б. Болдино и др.) успешно работают и развиваются более десяти музеев А.С. Пушкина. Пятнадцать лет назад было создано Сообщество пушкинских музеев, включающее в себя не только российские учреждения, но и музеи Украины, Литвы, Словакии и другие. Все музеи в настоящее время занимаются сохранением и популяризацией творчества А.С. Пушкина.

Год назад на юбилейной Ассамблее фонда «Русский мир» была заявлена стратегическая программа «Всемирный Пушкин». Сегодня эта тема отражает растущий международный интерес к великому поэту. За рубежом (в Мадриде, Шанхае, Дюссельдорфе, Риме, Вашингтоне) установлено памятников Пушкину не меньше, чем в России, и там они являются символами нашей страны. Кроме того, за последние двадцать пять лет появились блестящие переводы произведений Пушкина на разные языки.

Тем не менее тема «Русский мир Пушкина» остается классической для музеев, которые через предметный ряд и пространство сохраняют память о поэте и благодаря этому участвуют в формировании культурного сознания своих посетителей – возможно, будущих почитателей и исследователей творчества Пушкина.

Московский пушкинский музей подготовил выставку «А.С. Пушкин. XXI век», которая показала, как нынешнее поколение воспринимает А.С. Пушкина, и позволила еще глубже и серьезнее говорить о поэте как о величайшем явлении нашей культуры.

В 2019 г. будет отмечаться 220-я годовщина со дня рождения поэта, в связи с чем этот год для «Русского мира» должен стать Годом Пушкина.

Тема «двух родин» в творчестве А.С. Пушкина *Стефано Гардзонио*

Как известно, в знаменитой речи о Пушкине Ф.М. Достоевский утверждал: «Пушкин лишь

один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность» [9, с. 145–146]. Еще Достоевский отмечает «способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций» [9, с. 146] – это очень важный для меня момент.

Я хотел бы поговорить о теме «двух родин». Как известно, этой темой навеяны две строфы первой главы «Евгения Онегина» – XLIX, L: «Адриатические волны, // О Брента! нет, увижу вас // И, вдохновенья снова полный, // Услышу ваш волшебный глас!..»

Эти строфы связаны с планами побега за границу. В этих стихах «волшебный глас» для Пушкина – родной, и уста поэта готовы обрести язык Петрарки и любви. Стремление бежать, желание покинуть «скучный брег» предопределяет появление образа «второй родины», который потом встречаем в романе: «И среди полуденных зыбей, // Под небом Африки моей, // Вздохнуть о сумрачной России...»

Итак, Италия литературная и Африка географическая – вот две «вторые родины» поэта, но не только. Мотив бега предопределяет два противопоставления: Россия – Италия и Россия – Африка. Они основаны на целом ряде антитез, которые подводят итог системе тематически обособленных жизненных переживаний пушкинского лирического героя.

Тема «двух родин» явно проявляется в поэтическом мире первых лирических опытов периода ссылки. Молодой Пушкин (не утрачивая оригинальности и независимости) строит свой поэтический мир, ориентируясь на К.Н. Батюшкова и В.А. Жуковского – в их традициях дано поэтическое изображение Италии в лирике молодого Пушкина. Конечно, нельзя забывать и о существенном влиянии западного романтизма, поэтического образа Италии у Гете, Байрона, мадам де Сталь и других. Безусловно, на образ Италии для молодого Пушкина и его лирического героя глубоко повлияло элегическое изображение Италии у Батюшкова и дневниковый петраркизм Жуковского.

В первых южных лирических опытах образ Италии трудноразличим, но присутствует в общем поэтическом представлении об античном мире. Мифотворческие открытия юга России как Тавриды и Эллады дают представление о русской поэтической культуре как идеальной наследнице классического мира. Такое сравнение усиливает и даже предопределяет само отождествление лирического героя с Овидием при тесном соприкосновении

литературных и автобиографических элементов. Именно данное самоотождествление будет играть большую роль и в развитии темы «двух родин» в «Евгении Онегине».

Приведем несколько примеров из южной лирики. Тут в творчестве Пушкина можно отметить целый ряд стихотворений, которые нетрудно собрать в лирический цикл. Имеются в виду стихи, посвященные Крыму, Элладе, которые как будто образуют некий «крымский цикл». Он, кажется, представляет собой развитие Пушкиным батюшковского «каменецкого цикла». Именно в этом цикле, посвященном неразделенной любви к Анне Фурман и богатом петрарковскими реминисценциями, Батюшков предлагает интересную параллель между Россией и Элладой, как бы намекая на тему «двух родин». Я имею в виду стихотворение «Таврида», где читаем: «Под небом сладостным полуденной страны // Забудем слёзы лить о жребии жестоком...»

Образ «сладостного неба» отсылает нас к известной формулировке предыдущего батюшковского стихотворения «Тень друга»: «Вся мысль моя была в воспоминанье // Под небом сладостным отеческой земли...»

Маркирующий данную параллель ключевой эпитет, используемый Батюшковым, – «сладостный» – играет решающую роль в дальнейшем развитии параллели «Россия – Италия». Я имею в виду, например, известный зачин элегии «Умиравший Тасс»: «Под небом сладостным Италии моей // Скитался я, как бедный странник...» «Сладостным» называется новый литературный стиль итальянской поэзии XIII в., поэтому можно говорить об аллюзии в стихах Батюшкова.

Итак, образ «отеческого неба» воплощается в сложной ткани параллелей и соотношений. Роль переходного звена в параллели «Италия – Россия» играет юг России, Крым (Таврида). Достаточно обратить внимание на первую элегию его «крымского цикла» – знаменитое «Погасло дневное светило...», чтобы погрузиться в общую атмосферу поэтики родины. Здесь есть противопоставление юга и севера, тема изгнания, отдаления от родины. Конечно, здесь и явный байроновский подтекст – как известно, потом стихотворение печаталось с подзаголовком «Подражание Байрону». Однако это не мешает установить связь с Италией, имеется в виду знаменитая поэма Байрона о Чайльд-Гарольде.

Гораздо очевиднее средиземноморские черты проступают в следующей пушкинской крымской элегии «Редает облаков летучая

гряда...», которая, в свою очередь, тесно связана со стихотворением «Нереида» и наброском «Там на берегу, где дремлет лес священный...»

Темы юга и Италии сочетаются с темами изгнания и ссылки. Юг России, античный мир и Италия находят общий знаменатель в теме Овидия, которая полностью проявляется в длинном послании «Чаадаеву», где лирический герой переосмысливает свой жизненный путь. Пушкин развивает тему ссылки в автобиографическом ключе: с одной стороны, здесь есть параллель с Овидием («Где прах Овидиев пустынный мой сосед...»), с другой – ностальгия по другу, по родине, стремление к труду и к творчеству, отказ от пустого петербургского света. Тоска по родине создает ситуацию конфликтности восприятия средиземноморского пейзажа.

Окончательное осуществление параллели Тавриды и Италии намечается в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...», где предложена поэтическая картина Тавриды, юга России как страны солнца и любви в совершенном созвучии с образом Италии в мировой поэтической традиции. Данную параллель подчеркивает выбор октавы – правда, по образцу Жуковского, но с явно итальянской, тассовской окраской.

Зачин отсылает к знаменитому зачину песни Миньоны («Ты знаешь ли край, где лимонные роши цветут...»), а последующее словосочетание «лавровые своды» будто намекает на традиции петраркизма, где постоянно обыгрывается созвучие «Лаура» – «лавр». Данному стихотворению посвятил глубокое исследование Г.А. Гуковский, который подчеркивает наличие в нем некоего «пейзажа души» – как, кстати, и у Жуковского [10, с. 125–127]. Образ Италии, Тавриды как «страны души» так же отчетливо сочетается с темой изгнанничества, второй родины, как и в эпистоле «К Овидию».

В дальнейшем у Пушкина появляется целый ряд стихотворений, в которых существует поэтический образ Италии, Тавриды, «двойной родины» и т. д. Самые интересные из них относятся к циклу, связанному с поэтическим изображением Амалии Ризнич. Отмечу тематическую созвучность некоторых лирических текстов с темой «двух родин». Например, в элегии «Под небом голубым страны своей родной...» уже первый стих отсылает к зачину элегии Батюшкова «Под небом сладостным Италии моей...» и одновременно к вышеупомянутому стиху из «Евгения Онегина» – «Под небом Африки

моей...» Интересно отметить, что, вероятно, впервые эта формулировка встречается в стихотворении П.А. Вяземского «К итальянцу, возвращающемуся в Отечество» 1816 г.: «Под небом голубым Италии прекрасной...».

Мы находим в этом цикле многочисленные изображения Италии, намеки на нее. Конечно, самым знаменитым является стихотворение «Для берегов отчизны дальней...», здесь названные элементы выступают еще отчетливей: «Под небом вечно голубым, В тени олив...» и т. д.

В дальнейшем сравнение и противопоставление «двух родин», России и Италии или Тавриды – прекрасного, светлого юга, ярче представлено в болдинском стихотворении «Когда порой вспоминаешь...» Тут солнечному образу Италии («И лавр и темный кипарис На воле пышно разрослись...») противопоставлен холодный образ «первой родины», к которой сейчас поэт всем сердцем стремится: «Стремлюсь привычною мечтою // К студеным северным волнам. // Меж белоглавой их толпою // Открытый остров вижу там. // Печальный остров – берег дикой // Усеян зимнею брусникой, // Увядшей тундрой покрыт // И хладной пеною подмыт...» Именно этот остров – дикая природа России, «первой родины» – незаменим в его сердце, как неизбежна его судьба – служить своему народу.

В современной пушкинистике намечены два истолкования образа «открытого печального острова». Как известно, А. Ахматова в своей знаменитой статье указала на о. Голодай на Петербургском взморье, где тайно похоронили тела казненных декабристов [11]. Б. Томашевский увидел в этом образе намек на Соловецкие острова [12]. Учитывая, что стихотворение писалось в «убежище» – в Болдино, можно развить эту интерпретацию еще дальше: «открытый печальный остров» можно прочесть как символическое изображение о. Патмоса, как некий русский Патмос. Там поэт, глас Родины и народа, готов пророчествовать, как новый Иоанн Богослов, автор Книги Откровения. Этот русский Патмос и есть Болдино. В этой перспективе апокалиптическая символика написанного двумя годами позже в том же Болдино «Медного всадника» становится очевидной.

Образ «двух родин» – эстетически идеализированной Италии и духовной России, которая вызывает на этический подвиг поэта и гражданина, вписывается в рамки предложенного Вяч. Ивановым понимания творчества Пушкина. С одной стороны, это непостижимое видение красоты, а с другой –

это вера в святость и в действительность святой жизни избранных людей. Безусловно, в эти идеалы вписывается самая подлинная концепция русского мира великого поэта.

Русский мир Пушкина как сложное единство

Н.Л. Вершинина

Пушкин как явление самодостаточное, подобное эху, которому, по словам самого поэта, «нет отзыва», но которое откликается «на всякий звук», рождаемый в мире, подвергается переосмыслению с позиций нового гуманитарного знания, не всегда, как представляется, оправданному и правомерному. Проблему «русскости» и «всемирности» Пушкина предлагается осмыслить с точки зрения национального идеала и национального характера – понятий, противопоставляемых друг другу в современных культурологических теориях. Декларируемая несовместимость данных понятий опирается на то, что национальный идеал предполагает приоритетность лучших, высших проявлений народного духа, а национальный характер, со своей стороны, тяготеет к комплексной, разносторонней наполненности, из которой извлекается типическое – не «лучшее», но «главное».

На противоположных позициях стоят в этом отношении Д.С. Лихачев («Письма о добром и прекрасном»), «Раздумья», «Заметки о русском») и Б.Ф. Егоров («От Хомякова до Лотмана», «Обман в русской культуре»). Приведу слова Д.С. Лихачева: «Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает с действительностью. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры» [13, с. 213–214.]. Иной является точка зрения Б.Ф. Егорова: «Чтобы <...> получить представление о национальном характере, нужно <...> помнить не о стопроцентном наполнении народной жизни какими-то признаками, а лишь заметном преобладании их» [14, с. 11].

Как же в свете этой полемики подходить к «явлению» Пушкина и его произведениям? Нужно ли отыскивать в них признаки «национального идеала» как единственной меры вещей или следует ценить в гении Пушкина дар изображения разносторонних,

пестрых, неоднородных характеров, где имеет место широко понимаемая «национальность», заключающая в себя элементы разных культур и народностей?

На наш взгляд, именно Пушкин, как ни один другой поэт, ясно показывает читателю, что подобная дилемма не вытекает из органики русской жизни. В Пушкине не заметно контраста между национальным идеалом и национальным характером, потому что то и другое находится у него в постоянном взаимодействии, в стремлении друг к другу, к взаимообогащению. В «Евгении Онегине» автор говорит об Онегине: «Мне нравились его черты...», подразумевая сложный, формирующийся национальный характер; здесь же, однако, о героине романа сказано: «Татьяны милый идеал...» Но самое главное, что в замысле пушкинского произведения эти герои не существуют друг без друга, как в пределах русского мира не существуют порознь сфера цивилизации и область «природного» бытия. Об этом замечательно сказал Н.Я. Берковский: «И Татьяна, и Онегин – это фигуры направления. Татьяна дает направление к естественной народности, как Онегин дает его к национальной жизни в различных ее и сложных формах. <...> Для Пушкина нет поэтической полной жизни ни на одной стороне, ни на другой – обе нуждаются друг в друге» [15, с. 67].

«Пушкин один» [13, с. 214], – пишет Д.С. Лихачев, но означает ли это, что национальный идеал для Пушкина делает второстепенной обрисовку характеров, которые в своей неоднородности, конкретности и непохожести являются различными воплощениями «русскости», в контексте которой формируется представление об идеале? Достаточно вспомнить неоднозначные характеристики героев, которым автор сочувствует, но принимает в них не все, к примеру, Самсона Вырина («Станционный смотритель») или Пугачева («Капитанская дочка»), а также различное освещение провинциального мира в «Евгении Онегине», «Дубровском», «Повестях Белкина».

Применительно к Пушкину вряд ли оправданна абсолютизация какого-то одного начала, трактовки текста в заданном направлении – как, например, возведение в «идеал» так называемых «смирного» и «хищного» типов. Не следует забывать, что и Ап. Григорьев, и вслед за ним Н.Н. Страхов указывали на «правильное» отношение Пушкина не только к «кроткому», но и к «страстному и сильному» типу, что опять

выводит на проблему «всемирности»: «...его гений ясно и спокойно чувствовал себя равным всему великому, что было и есть на земле <...>» [16, с. 205–206].

Точно так же произведения Пушкина «сопротивляются» противопоставлению «русского» и «западного» воздействий в мировоззрении и поведении героев – и это вторая проблема, которая сегодня требует обсуждения в связи с установлением границ пушкинского «русского мира». В недавно опубликованном фундаментальном исследовании В.И. Коровина «Россия и Запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина (“Моцарт и Сальери”, “Повести покойного Ивана Петровича Белкина”))» проницательно поставлен вопрос о том, почему в «Метели» «возможное и близкое» счастье Владимира и Маши не осуществилось. «В самом деле, – пишет исследователь, – почему сильное чувство любви, овладевшее молодыми людьми, не может осуществиться по их личному желанию? <...> Разве не есть это нарушение свободы и ограничение прав личности, выражаясь современным языком?» [17, с. 427].

Исследователь видит одно из главных обстоятельств, препятствующих соединению влюбленных, в том, что «молодые люди воспитаны в лоне русского патриархального мира, а не западного, давно провозгласившего так называемую абсолютную свободу человеческого духа. В русском мире все еще считалось, что благословение родителей на брак детей обязательно. <...> Побег для тайного венчания расценивался не иначе как грех и осуждался. И это вошло в плоть и кровь каждого человека, стало его личной верой и личным достоянием» [17, с. 428].

Можно ли считать, что неудавшаяся попытка личного счастья – следствие увлечения западными стереотипами, почерпнутыми из сентиментально-романтической литературы, которым, кстати, воздают дань не только герои «Метели», но и «Барышни-крестьянки», «Романа в письмах», «Дубровского»? Как известно, в «обманы» «Ричардсона и Руссо» влюблялась Татьяна Ларина.

Нам представляется, что для Пушкина важнее не разграничение и различие тех или иных укладов, культурных влияний и традиций, как бы значимы они ни были сами по себе, а степень сращения их с внутренними побуждениями и поступками героев, если можно так сказать, вся общая органика их жизненного поведения. Нужно иметь в виду, что самовыражение персонажей, о которых идет речь, происходит в усадебном мире, где искусственность воспринимается как бытийная

проблема: так, на взгляд родителей Маши и стоящего за ними уклада неестественной выглядит ее экзальтированная любовь к «бедному армейскому прапорщику», а с позиции влюбленных неправомерна «воля жестоких родителей» как «препятствующая» их личной свободе и «благополучию». На пути к счастливой развязке чувствам героев необходимо пройти испытание высшей степенью натуральности, достичь которой нельзя, оставаясь лишь в пределах какой-то одной мотивации: непосредственного чувства, увлечения литературным образчиком, упования на патриархальные устои усадебного мира со всеми его плюсами и минусами, признаваемыми Пушкиным. В отдельности – в абсолютизированном виде – ни один из этих факторов в «Повестях Белкина» не равен основополагающей идее цикла, выражаемой понятием должного, приобщением, говоря словами автора, к непреложности «порядка вещей».

Национальная самобытность усадебного мира, таким образом, выражается у Пушкина идеей преодоления разлада между несогласованными разноплановыми стремлениями героев; достижением – через перипетии обретения ими духовной зрелости – согласованности всех жизненных отправлений, их бесспорного, уже не подвергаемого рефлексии, полного единства.

Именно такой, неразложимый идеал национальной жизни, складывающийся из множества самобытных, насыщающих эту жизнь характеров, а также органично усвоенных, разнообразных «чужих» воздействий, можно считать основой «русского мира» Пушкина. Без художественного образа этого мира не смогла бы проявить себя «русскость» произведений Толстого, Тургенева, Чехова. Примечательно, что объединяющим центром всегда выступала усадьба, олицетворяющая для этих писателей Россию, как для Пушкина ее средоточием было Михайловское – его вторая родина.

Русский мир Пушкина: истоки и итоги

В.И. Аннушкин

Этот «француз», как его называли в Лицее, – самый русский из русских художников слова, и, перефразируя название нашего круглого стола, скажем: весь художественный мир Пушкина – русский. Поговорим немного о его истоках и итогах. Истоками этого мира являются и народная культура (от нянюшки), и античная философия, и древнерусская литература, и словесность XVIII века, и, конечно,

заимствования из всего лучшего, что дает нам западная культура. Для художника всё зависит от того, как воспринята предшествующая культура и насколько дерзновенно, творчески он способен изобретать новое, менять стиль мысли, стиль речи, стиль жизни.

Мы помним слова Пушкина о «переимчивости и общительности» русского языка: «Русский язык – это выразительный и звучный язык, гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, переимчивый и общительный в своих отношениях к чужим языкам. Ему свойственны величая плавность, яркость, простота и гармоническая точность».

Наиболее недалёкие из нас слепо копируют Запад (как, впрочем, и Индию, и Китай, и Японию...). Желая учиться, преобразовывать Россию, докапываясь до смысла – читают, переводят, но потом добавляют своё, истинно русское, свой русский взгляд на вещи. И это при огромном уважении и преклонении не столько перед европейским умом, сколько в преклонении перед истиной.

Примеры филологического творчества: почти все учебники риторики и словесности до середины XIX века либо переведены с латинского, немецкого, французского, либо имеют в основе переводной источник. И почти во всех учебниках – анонимные добавления самостоятельных русских авторов. Материал нам малоизвестный, ибо история русской филологии (не языкознания, а именно филологии!) не написана.

Стоит отметить два момента в феномене «русского мира Пушкина»: истоки и итоги художественного творчества Пушкина.

Истоки – в лицейском филологическом (словесном) образовании Пушкина. Оно начинает нам приоткрываться только сегодня, когда мы погружаемся в чтение и исследование трудов его главного учителя словесности и риторики – профессора Н.Ф. Кошанского. Сегодня мы, в сущности, не знаем толком даже того, каким был великий день в истории словесного образования России – 19 октября 1811 года, ибо пользуемся поздним рассказом И.И. Пушина и художественной выдумкой первого биографа Авенариуса. Оказывается, Кошанский готовил к Дню открытия Лицея (а может быть, и прочитал) «Речь о преимуществах русского слова» [18]. В этой небольшой речи-лекции сконцентрирован план будущей работы над словом, который хотел осуществить педагог, назначенный «главой конференции» учителей Лицея.

Каковы идеалы того мира, который должен был формироваться в Лицее? Они видны уже в начальных словах речи Кошанского:

«Юные россы!

Торжествуя день сей, залог славы и благоденствия России, пред взором августейшего монарха, пред лицом Отечества дадим обет сердец наших, что мы исполним упование, монархом и отцом Отечества на нас возлагаемое, оправдаем призвание наше и совершим надежду сладкую для родителей и потомков. Но каким образом?

Быть кротким и послушным, питать любовь к Богу и монарху, образовать ум науками, а сердце добродетелью...» [18, с. 21, 43, 61 – публикация осуществлена в трех версиях текста: факсимиле, затем в орфографии и пунктуации пушкинского времени и в современной графике с соответствующими изменениями в орфографии и пунктуации. – В.А.].

Очевидно, что в лицеистах воспитывались лучшие человеческие добродетели, любовь к Богу, Отечеству, монарху.

У исследователей всегда был велик соблазн подчеркнуть «свободолюбивый дух» Лицея: свобода и наступала тогда, когда в сознании учеников откладывалась мысль о великом служении, ответственности, долге, обязанностях, к которым они предназначены. Именно об этом говорил в своей речи Кошанский, а впоследствии предлагал писать сочинения на темы «Строгое исполнение обязанностей есть первый долг христианина» или «Бессмертие есть цель человеческой жизни». Написав такое сочинение утром, вечером можно было писать к учителю: «Помилуй, трезвый Аристарх, моих бахических посланий» (письмо к Кошанскому) или послание к «милрой Хлое»...

Цельность и широту мировоззрения, полноту научной эрудиции своего времени представляет собой «Риторика» Н.Ф. Кошанского, написанная в 1829–30-м годах [19]. Цель риторики, как определял ее автор: «раскрыть все способности ума, чтобы, показывая здоровое расположение мыслей, дать рассудку и нравственному чувству надлежащее направление» [19, с. 40–41]. Именно эта конечная цель словесного образования прослеживается и в самом литературном творчестве лицеистов (писателей и поэтов), развивших все «способности ума», но, главное, получивших «надлежащее направление» в «нравственном чувстве». Отсюда цельность (как следствие лицейских целей) художественно-философского мира Пушкина, который во всем многообразии и

противоречивости описал искания русского человека своего времени, но сила этого художественно-философского поиска и его словесного воплощения такова, что вдохновляет нас и поныне.

Итоги мировоззренчески цельного авторского мира Пушкина более всего выражены в «Капитанской дочке» и некоторых стихах последних лет.

Как завещание прочитывается пушкинская «Молитва» – и опять «переимчивая» переделка классического текста Ефрема Сирина (на мой взгляд, весьма «любословный» текст о правилах речевого поведения, где сначала надо сказать о качествах человека, а затем о качествах речи, которая «выражает» всего человека).

Последним романом-повестью Пушкина, итогом его творческой жизни была «Капитанская дочка». О «Капитанской дочке» как самом русском произведении надо сказать следующее:

Есть книги, которые сопровождают нас всю жизнь – их прочитываешь в юности, а потом, оставаясь в памяти, они словно ведут тебя, указывая путь «чести», благородных и достойных поступков. Хорошая литература ненавязчиво учит Добру, подлинной Любви, подсказывает Истину и делает это через наше сопереживание и представление себя на месте героев. Всё это осуществляется благодаря «небесной красоте» русского языка, которым так мастерски, просто, чисто и точно владеют классики русской литературы, во главе которых «светлое имя – Пушкин».

Увы, в русской литературе больше отрицательных персонажей, чем положительных: начиная с «Евгения Онегина», которого русский гений написал в пору становления зрелости, всё более обсуждаются «лишние люди», ищущие и не находящие. Про них же, мыкающихся и неустроенных духовно – основное литературное и телевизионное творчество сегодня.

А вот «Капитанская дочка» – последний роман Пушкина, где стоит дата «19 октября 1836 года». Это значит: от 19 октября 1811 года, когда открылся Царскосельский лицей, до дня, когда за несколько месяцев до гибели автор поставил последнюю точку в романе, прошло ровно двадцать пять лет. И это повествование о молодом человеке, попавшем в перипетии пугачёвского бунта, было самым зрелым размышлением русского поэтического гения над смыслом человеческой жизни. В литературе такой смысл подаётся как образный вымысел – и что, казалось бы, нам, сегодняшним читателям, до судьбы молодого барчука-

офицера, влюбившегося в дочку коменданта Белогорской крепости почти два с половиной века тому назад? Но мы переживаем все эпизоды романа как собственные поступки, потому что имеем свойство воображать себя на месте героев, так похожих на нас. Мы словно оказываемся вместе с ними в ситуациях выбора между правдой и лукавством, смелостью и робостью, честью и бесчестьем, щедростью и неблагодарностью. И вот он – русский характер, которому мы сострадаем и сегодня. Какая наивность – отдать заячий тулуп «злодею»!.. Но ведь злодей вывел из стихии бурана его и слугу – и как же не отплатить добром за добро? А где Петру Андреевичу Гринёву (вчерашнему Петруше) взять смелость и остроумие, чтобы ответить «злодею», требующему признать в нём «государя»? После душевного смятения, придя в себя, герой находит силы и говорит: «Слушай: скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смыслённый: ты сам увидел бы, что я лукавствую». Вот так быть верным долгу и чести, вот так бороться за свою любовь...

Этот русский роман – с положительными героями, которых так не хватает современному человеку. «Капитанская дочка» – образец любви и верности, семейного союза и благополучия, отстаивания идеалов нравственности, душевной чистоты и покоя. Многообразие характеров и проявлений человеческих личностей заставляет умиляться и сопереживать: оказывается, можно быть «под каблуком» у жены (таков, кажется, комендант крепости Иван Кузмич), а когда приходит грозный час защиты крепости, это его призыв: «Теперь стойте крепко. Будет приступ...» – и комендант ведёт за собой «обробелый гарнизон».

Этот пушкинский роман надо читать неспешно, не «перед уроком», а размышляя и переживая каждый эпизод. Особенно полезно читать вслух – вот когда вы почувствуете «небесную красоту», чистоту, простоту и возвышенность родного русского языка. Потому что это – Пушкин, его последнее «идеалистическо-романтическое» размышление над тем, как надо в реальности жить, мыслить, говорить и поступать.

На заре учёбы царскосельских отроков учитель риторики и словесности в Лицее Николай Фёдорович Кошанский наставлял своих учеников: чтобы выучиться хорошо писать и говорить, «возбуждая в душе учащихся любовь ко всему благородному, великому и прекрасному», есть «три средства: 1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения» [19,

с. 41]. Поэтому читайте – внятно и вдумчиво; размышляйте – критически и неспешно, и тогда ваша собственная речь позаимствует всё лучшее, что есть в мыслях и словах наших предшественников, великих русских писателей, творцов нашего дивного и могучего языка. Тогда и «мы сохраним тебя, русская речь! Великое русское слово!..» Тогда, учась у Пушкина, выстроим собственную жизнь, а русский мир вокруг нас процветёт через честное и чистое русское слово. Тогда эпитафией и к нашей жизни будет пушкинский эпитафий к «Капитанской дочке» – «Береги честь смолоду!»

Академик Костомаров предположил, что абсолютный гений Пушкина позволил ему описать нашу страну единственно возможным способом: художественно-образительным. Да, наверное, есть иные способы описания (философский или публицистический), но то, что сделало «мир Пушкина» «русским», то сделано и неоспоримо. А сделано тем самым «выразительным и звучным, гибким и мощным» русским языком (А.С. Пушкин).

Русский мир Пушкина в Молдове

В.Ф. Кушнеренко

Анализ русского мира Пушкина в Молдове предполагает два ключевых направления: исследование родословной Пушкина и Ганнибалов, которые жили на молдавской земле более 850 лет, со времен их легендарного предка, пришедшего на Русь еще в первой половине XII в., и исследование жизни и творчества самого поэта в период южной ссылки. Остановлюсь на некоторых моментах бессарабского периода жизни и творчества Пушкина.

Бессарабия стала местом величественного вдохновения Пушкина задолго до знаменитой Болдинской осени. Поэт прибыл в Кишинев 21 сентября 1820 г. и только на пятом календарном году, 27 марта 1824 г., простился с Кишиневом и нашим благословенным краем. За эти годы в Бессарабии он написал, задумал и набросал, включая письма и планы, около 220 сочинений, почти 160 из них – стихотворения и поэмы. Из поэтических сочинений более 80 приходится на 1821 г. Весной этого года написано 64 произведения, в том числе 46 поэм и стихотворений – и каких! Завершена работа над поэмой «Кавказский пленник», написана поэма «Гавриилиада», начаты поэмы «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Влюбленный бес».

Плодотворными были также Бессарабские весны 1822–1824 гг. в Кишиневе. Весной 1823 г. написаны 16 строф (треть) первой главы «Евгения Онегина». А весной 1824 г., приехав из Одессы и продолжая поэму «Цыганы», Пушкин написал для третьей главы романа «Письмо Татьяны к Онегину».

Бессарабский период по значимости и насыщенности уступает только последнему петербургскому (или московско-петербургскому) периоду, куда входит и Болдинская осень 1830 г.

К сожалению, в годы владычества королевской Румынии связь Бессарабии с большой пушкинистикой была ослаблена, да и в советское время исследования данной темы не отличались глубиной и фундаментальностью. В результате и в советских, и в российских учебниках одесский период творчества Пушкина охватывается одной страницей, а кишиневско-бессарабский – лишь одним предложением. Такую несоразмерность необходимо устранить, учитывая новейшие исследования и в Молдове, и в России.

Бессарабский период романтический, авантюрный, насыщенный и сложный, для его осмысления необходимо иметь не только свою молдавскую летопись, но и свой словарь окружения поэта. Такая летопись подготовлена мной в двух томах.

В Бессарабии Пушкин знал сто городов и сел из тысячи, а в Кишиневе он знал почти каждого десятого жителя. Старейший пушкинист Б.А. Трубецкой в Словаре окружения Пушкина представил 240 имен, в моей Летописи их около 1000, а на самом деле их несколько тысяч.

Разработанный мной словарь показывает, например, что не следует связывать имя Пушкина со шпионской деятельностью, так как вокруг него в Бессарабии было много первоклассных, но малоизвестных российских разведчиков; не стоит также уподоблять Пушкина Дюма: во многом жизнь Пушкина и его окружения намного авантюренее романов француза.

К сожалению, есть много авторов, не знающих научного материала и не желающих владеть им, не прибегающих к научным консультациям. Они привлекают легенды середины XIX в., когда пушкинистики как науки не было. Этим грешат и российские, и молдавские журналисты. В период обострения националистических настроений это крайне ощутимо и болезненно. Вот почему так важно поддерживать работу ученых и музеев стран СНГ.

С 1993 г. в течение 15 лет удавалось поддерживать в Кишиневе Международную

пушкинскую конференцию «Бессарабская весна», издавать ее материалы, но теперь для ее возрождения нужны средства. А самая главная просьба пушкинистов всего мира, насколько мне известно, – провести в Кишиневе хотя бы одну большую Международную пушкинскую конференцию. Я считаю, что такую конференцию можно было бы посвятить роману «Евгений Онегин», поскольку в 2018 г. исполняется 195 лет с начала работы поэта в Кишиневе над этим произведением, ставшим вершиной его творчества.

Проблема переводимости стихотворений Пушкина

Джулиан Лоуэнфельд

Я хотел бы поспорить с В.С. Непомнящим, говорившим, что перевести Пушкина невозможно, и сослаться на М.И. Цветаеву, которая писала: «Мне твердят: Пушкин непереводем. Как может быть непереводем уже переведенный, переложивший на свой (общечеловеческий) язык несказанное и несказанное? Но переводить такого поэта должен поэт». Как мне кажется, вся проблема состоит в том, что среди носителей других языков не было поэтов, которые настолько хорошо знали бы русский, чтобы перевести Пушкина.

Вспомним «Памятник» Горация и Пушкина. У Горация (в переводе Ломоносова) стихотворение звучит так: «И славен буду я, Пока великий Рим владеет светом...» У Пушкина иначе: «Нет, весь я не умру – душа в заветной лире // Мой прах переживет и тленья убежит – // И славен буду я, доколь в подлунном мире // Жив будет хоть один пиит».

Для меня Пушкин – духовное противоядие от всего цинизма и пошлости, которые вечно нас окружают. Вспомним стихотворение «Демон». Ничего не изменилось: сейчас мы наблюдаем не пир во время чумы, а чуму во время пира. А Пушкин верил в свободу и любовь.

Многие иностранцы разделяют стереотипные представления о русской литературе: для них это должен быть нравоучительный, печальный, бесконечный роман, включающий большое количество непонятных слов и фамилий, где в финале все герои умирают. Это затрудняет овладение великой русской литературой для иностранцев, особенно для американцев, которые изначально исходят из неотъемлемости прав на жизнь, свободу и поиск счастья. А ведь поиск счастья – чуть ли не главная пушкинская тема, во всех

произведениях поэта волнует проблема счастья. Вспомним: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» или «Я думал: вольность и покой Замена счастьем. Боже мой! Как я ошибся, как наказан!»

Заканчивая «Каменного гостя», Пушкин пишет П.А. Осиповой: «Мы сочувствуем несчастным из своеобразного эгоизма: мы видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствовать счастью может только весьма благородная и бескорыстная душа. Но счастье... это великое «быть может», как говорил Рабле о рае или о вечности. В вопросе счастья я атеист; я не верю в него и лишь в обществе старых друзей становлюсь немного скептиком».

При этом тот же Пушкин замечает: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному».

Как это сопоставить? Я теряюсь перед этой тайной. Может быть, Пушкин – самый таинственный писатель: мы о нем столько знаем и при этом не знаем буквально ничего. Это бездонная глубина при всей прозрачности воды.

В связи с этим важно думать не о целевой аудитории Пушкина, а о том, чтобы его читали – с радостью, с любовью.

Важно также понять, как преподавать Пушкина. У того же В.С. Непомнящего есть чудное эссе, где описывается механическое заучивание «Памятника» без его осмысленного прочтения и понимания. Необходимо, чтобы поэзию не проходили, а переживали, чувствовали, любили.

Пушкин – бунтарь, шутник, вечно молодой, взволнованный, легкий, юркий; его нельзя превращать в застывший памятник.

Русский мир Пушкина в Греции

Е.А. Кричевская

К сожалению, сегодня греки, не изучающие русского языка, крайне поверхностно знакомы с Пушкиным, и это связано с тем, что поэтических переводов очень мало, хороших переводов – еще меньше: читающим грекам Пушкин знаком как автор «Пиковой дамы», «Капитанской дочки», в меньшей степени – «Повестей Белкина». До войны владеющие русским языком греки – а таких было немало, переселившиеся на историческую родину после Октябрьской революции, гораздо чаще обращались к творчеству поэта, но и тогда хороших переводов практически не было. Может быть, именно поэтому имя Пушкина не укоренилось в сознании греков, во всяком случае, значительно

проигрывало в сравнении с именами таких русских классиков, как Достоевский, Толстой, Чехов, Горький. В связи с этим выражение «солнце русской поэзии» грекам непонятно: они не имеют возможности прочесть произведения писателя и в должной мере оценить их.

Не повезло и «Маленьким трагедиям»: хотя и в прекрасном переводе писателя Мицоса Александропулоса, единственного греческого литератора, награжденного Медалью Пушкина, они были изданы четверть века назад и являются библиографической редкостью. «Маленькие трагедии» ставились на большой греческой сцене всего один раз, также почти 25 лет назад, тогда выпускником московского ГИТИСа и нынешним директором Национального театра Греции, Статисом Ливатиносом. А ведь именно через театр греки смогли бы ближе познакомиться с творчеством Пушкина, так как греческая культура «выросла» именно на театре и на поэзии.

В то же время Пушкин связан с Грецией, может быть, как ни с какой другой страной: будучи в южной ссылке, поэт познакомился и близко сошелся с членами тайной организации «Филики Этерия», созданной для подготовки греческой революции за независимость, во главе с Александром Ипсиланти, генералом, адъютантом Александра Первого, со многими деятелями греческого революционного движения, и посвятил греческим революционерам, греческой революции и Греции свои стихи.

А вот жизнь русской эмиграции в Греции самым тесным образом связана с именем Пушкина. Общины русских эмигрантов, как «первой волны» (после революции 1917 г.), так и «второй волны» (после распада СССР), формировались вокруг православной церкви и... имени Пушкина.

В 1937 г., в год столетия трагической гибели Пушкина, по всему миру были организованы мероприятия, комитет по проведению которых находился в Париже и включал В. Ходасевича, М. Цветаеву и многих других «титанов» эмигрантской литературы.

Точно такой же комитет работал и в Афинах. Для Греции 1937 год – это год суровой военной диктатуры Иоанна Метаксаса, и тем не менее в греческой столице были организованы пышные празднества, посвященные русскому поэту.

Тогда же одним из лучших греческих скульпторов Георгиосом Димитриадисом был создан бюст Пушкина, утерянный впоследствии; греческие композиторы посвятили поэту свои произведения; лучшие греческие авторы написали статьи о нем в

центральной столичной прессе; почти три дня шли круглые столы и дискуссии о творчестве классика. Все эти материалы долгое время находились в архивах и ждут теперь своего исследователя.

В подтверждение сказанного мне хотелось бы привести небольшой отрывок из моей книги, посвященной русской эмиграции в Греции, который свидетельствует о том, что Пушкин сопровождал русских эмигрантов в трудные первые годы эмиграции: «6 июня 1926 г. директор русской прогимназии в Афинах Л.А. Бабошко написал следующее письмо в больничную кассу – своеобразную кассу взаимопомощи русских эмигрантов: «Русская прогимназия в Афинах наравне со всеми русскими и зарубежными школами будет праздновать День русской культуры, приуроченный к 127-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина. Русская прогимназия просит больничную кассу не отказать принять участие в празднестве, имеющем целью напомнить всем русским в Афинах, что они – дети великого народа, объединенного и спаянного тем, что носит название «русская культура» [20, с. 156].

К 1926 г. русская эмиграция насчитывала в Афинах уже шесть лет жизни. Жизни в страшной нужде, страданиях и лишениях, в отрыве от Родины, которую большинство из эмигрантов больше никогда не увидели. И имя Пушкина стало тем факелом, который освещал и согревал их быт в чужой стране.

Сегодня россияне в Греции, как и в других странах, празднуют День рождения Пушкина, День русского языка, но нам бы хотелось, чтобы греки отмечали этот праздник вместе с нами. И осознавали бы, какого великого поэта они чествуют.

«Болдинский» мир Пушкина

Н.А. Жиркова

На мой взгляд, русский мир Пушкина – это те места, где сохраняется все подлинное, связанное с А.С. Пушкиным, дух пушкинской эпохи, где ведется неутомимая, каждый день и каждый час, работа по пропаганде величайшего творческого наследия. И в этом отношении пушкинские музеи, которые сегодня объединены в Сообщество пушкинских музеев, делают очень многое.

Наш Болдинский музей – это две подлинные пушкинские усадьбы XIX в., неразорённые, сохраненные в первозданности своей. В каждой усадьбе: и в Болдине, и во Львовке (мы ее открыли в 2005 году) – сохранившиеся с XIX в. подлинные усадебные дома, где живет дух

Пушкиных. В Болдине дух Пушкина чувствуется всегда, ведь он жил в этом доме. И с какой любовью сегодня все это сохраняется!

2019 год – это год 220-летия со дня рождения Пушкина, а для нашего Болдинского музея – 70-летия. И в этом 70-летнем промежутке есть моменты, о которых вспоминаешь и думаешь: до Пушкина ли было? В июне 1944 года идет война, Горьковский облисполком принимает решение о создании в Болдине музея. Издаётся приказ, где указана роль каждой организации, каждого предприятия, которое выпускает военную продукцию в создании в Болдино музея А.С. Пушкина. Предприятия везли в Болдино строительные материалы. И в 1949 г. совместными усилиями музеев был открыт.

И, конечно, за пределами этой славной истории есть удивительный период, когда в апреле 1918 г., сразу после революции, на свой сход собрались болдинские крестьяне, безграмотные совершенно, – внуки и дети тех, кто когда-то был в услужении Пушкиных и любил Пушкиных. И своей волей они решили: все, что связано с Пушкиным на болдинской земле, сохранить для потомков. Многим из них это стоило жизни. Но тот памятный сход вошел в историю не только нашего района, но и Пушкинского музея-заповедника. Вот что такое русский мир Пушкина.

Болдино, как и Михайловское, как и многие другие Пушкинские места, стало для Александра Сергеевича вхождением в народную культуру. И мы должны все это сохранить.

Отсюда вывод: мы сохраняем верность пушкинским идеалам. Многого от нас не требуется: любить, уважать, честь, достоинство держать – вот они пушкинские заветы, идеалы. Разве это трудно? Разумеется, нет. И это тоже – русский мир Пушкина.

В 2017 году наш музей издал книгу «Мы памятник ему воздвигли». Это удивительная работа краеведа с. Большое Болдино Анатолия Александровича Пыхонина. Он 10 лет работал над этой книгой и собрал в ней информацию обо всех памятниках, бюстах, мемориальных досках, посвященных Пушкину. Эта книга готовилась к выходу в течение года. И пока шла ее подготовка, в мире появилось более 20 новых памятников, которые в неё уже не вошли. Всего в мире, в разных странах около 700 памятников А.С. Пушкину, большая часть их находится в России и в странах ближнего зарубежья. В странах дальнего зарубежья – более 100 памятников. Когда готовилась эта книга и Анатолий Александрович вел переписку, направлял свои письма в администрации

районов, в музеи-заповедники, в пушкинские общества, оказывалось, что в том или ином городе есть памятник, но не могут прислать его изображение, потому что он плохо сохранился и лежит где-то на задворках. И когда автор настаивал, присылали не просто информацию, а фотографию восстановленного памятника или бюста А.С. Пушкина. Это уникальная работа.

Собрание сочинений Пушкина на персидском языке

3. Мохаммади

Пушкин для нас, иранцев, очень известное имя, хотя многие знают его как прозаика, а не как поэта. Причина в том, что поэзию Пушкина перевели на персидский язык очень давно и очень плохо, к тому же этих переводов почти не осталось. Другая причина состоит в том, что требования персидской аудитории к поэзии очень высоки и не каждый перевод может им соответствовать.

Два года назад в Тегеране прошли Дни Пушкина и Саади: три дня специалисты говорили о творчестве и литературной связи этих поэтов.

В настоящее время я занимаюсь переводом (в том числе поэтическим) Собрания сочинений А.С. Пушкина на персидский язык, которое, надеюсь, скоро будет опубликовано.

Примечания

1. Координатором круглого стола выступила региональный директор российских программ фонда «Русский мир» С.Л. Щербакова. Материалы подготовлены к публикации Е.И. Канарской, И.С. Юхновой.

Список литературы

1. Пяткин С.Н. Пушкин в художественном сознании Есенина. Большое Болдино, 2010. 377 с.
2. Гумённая Г.Л. «Вот Муза, резвая болтушка...». Шутливые поэмы Пушкина в движении времени. Саранск, 2013. 300 с.
3. Юхнова И.С. Общение и диалог в творчестве А.С. Пушкина. Саранск, 2014. 204 с.
4. Михайлова Н.И. Болдинская осень. Саранск, 2015. 188 с.
5. Альми И.Л. Пушкин в контексте русской поэзии и прозы. Арзамас–Нижний Новгород: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. 249 с.
6. Фомичев С.А. Творчество Пушкина: рукописи и тексты, интерпретации и истолкования. Арзамас–Нижний Новгород: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. 254 с.
7. Белоногова В.Ю. Открытый остров. Болдинские реалии и образы Пушкина. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 248 с.

8. Викторovich В.В. «Евгений Онегин». Роман читателя. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 268 с.

9. Достоевский Ф.М. Речь на пушкинских торжествах в Москве 8 июня 1880 года // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 136–149.

10. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 365 с.

11. Ахматова А. Пушкин и Невское взморье // Анна Ахматова. О Пушкине. Статьи и заметки. М., 1989. С. 153–162.

12. Пушкинский Петербург / Б.В. Томашевский [и др.]. Санкт-Петербург: Акад. проект, 1999. 431 с.

13. Лихачев Д.С. Раздумья. М.: Детская литература, 1991. 318 с.

14. Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М.: Языки славянской культуры, 2003. 368 с.

15. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.

16. Страхов Н.Н. Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого Т. I, II, III и IV // Страхов Н.Н. Литературная критика. М., 1984. С. 233–352.

PUSHKIN'S RUSSIAN WORLD (ROUND TABLE)

I.S. Yukhnova, E.A. Bogatyryov, S. Gardzonio, N.L. Vershinina, V.I. Annushkin, V.F. Kushnerenko, J. Lowenfeld, E.A. Krichevskaya, N.A. Zhirkova, Z. Mohammadi

On November 3, 2017, the «Russkiy Mir» Foundation organised a round table «Pushkin's Russian world» at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. The importance of A. Pushkin for Russian and world literature was the main topic of discussion. The speakers discussed Pushkin's understanding of Russian national character, sources of Pushkin's world view, the evolution of the «two motherlands» theme in his art. Some of the talks were devoted to the perception of Pushkin's works by the representatives of other national traditions. In this connection, the question was raised about translating Pushkin's works into different languages of the world and saving the memorial places connected with Pushkin outside Russia.

Keywords: Pushkin, Russian mentality, Russian world, Russian society, world significance of Pushkin, dialogue of cultures.

17. Коровин В.И. Россия и Запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина («Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»). М.: Русское слово, 2013. 604 с.

18. Аннушкин В.И. О преимуществах русского слова. Речь Н.Ф. Кошанского 19 октября 1811 года. М.: Форум, 2015. 112 с.

19. Кошанский Н.Ф. Риторика. М.: Русская панорама; Кафедра, 2013. 320 с.

20. Кричевская Е.А. Русские страницы в истории Греции (XX–XXI вв.). Афины: Изд-во КМГ, 2013.

References

1. Pyatkin S.N. Pushkin v hudozhestvennom soznanii Esenina. Bol'shoe Boldino, 2010. 377 s.
2. Gumyonnaya G.L. «Vot Muza, rezvaya boltun'ya...». Shutlivye poehmy Pushkina v dvizhenii vremeni. Saransk, 2013. 300 s.
3. Yuhnova I.S. Obschchenie i dialog v tvorchestve A.S. Pushkina. Saransk, 2014. 204 s.
4. Mihajlova N.I. Boldinskaya osen'. Saransk, 2015. 188 s.
5. Al'mi I.L. Pushkin v kontekste russkoj poehzii i prozy. Arzamas–Nizhnij Novgorod: Arzamasskij filial NNGU, 2016. 249 s.
6. Fomichev S.A. Tvorchestvo Pushkina: rukopisi i teksty, interpretacii i istolkovaniya. Arzamas–Nizhnij Novgorod: Arzamasskij filial NNGU, 2016. 254 s.
7. Belonogova V.Yu. Otkrytyj ostrov. Boldinskie realii i obrazy Pushkina. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2017. 248 s.
8. Viktorovich V.V. «Evgenij Onegin». Roman chitatelya. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2017. 268 s.
9. Dostoevskij F.M. Rech' na pushkinskih torzhestvah v Moskve 8 iyunya 1880 goda // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L., 1984. T. 26. S. 136–149.

10. Gukovskij G.A. Pushkin i russkie romantiki. M.: Hudozh. lit., 1965. 365 s.
11. Ahmatova A. Pushkin i Nevskoe vzmor'e // Anna Ahmatova. O Pushkine. Stat'i i zametki. M., 1989. S. 153–162.
12. Pushkinskij Peterburg / B.V. Tomashevskij [i dr.]. Sankt-Peterburg: Akad. proekt, 1999. 431 s.
13. Lihachev D.S. Razdum'ya. M.: Detskaya literatura, 1991. 318 s.
14. Egorov B.F. Ot Homyakova do Lotmana. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 368 s.
15. Berkovskij N.Ya. O mirovom znachenii russkoj literatury. L.: Nauka, 1975. 184 s.
16. Strahov N.N. Vojna i mir. Sochinenie grafa L.N. Tolstogo T. I, II, III i IV // Strahov N.N. Literaturnaya kritika. M., 1984. S. 233–352.
17. Korovin V.I. Rossiya i Zapad v boldinskih proizvedeniyah A.S. Pushkina («Mocart i Sal'eri», «Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina»). M.: Russkoe slovo, 2013. 604 s.
18. Annushkin V.I. O preimushchestvah rossijskogo slova. Rech' N.F. Koshanskogo 19 oktyabrya 1811 goda. M.: Forum, 2015. 112 s.
19. Koshanskij N.F. Ritorika. M.: Russkaya panorama; Kafedra, 2013. 320 s.
20. Krichevskaya E.A. Russkie stranicy v istorii Grecii (XX–XXI vv.). Afiny: Izd-vo KMG, 2013.